

К МАМЕ

I

Шесть лет тому назад я возвращался в Кемерово со своей малой родиной – Пудино. Ездил на восьмидесятилетний юбилей нашей мамы, которая так и осталась, помыкавшись по городам и весям России, там, где и появилась на свет. Досталось нашей маме хлебнуть и испить в жизни ой как немало, и чаще всего напитков горьких да солёных. Четверых, считай, одна подняла на ноги, выучила и в люди вывела. Только поразлетелись мы все по разным местам, там и гнёзда свои посвивали, детей, её внуков, нарожали...

Да, видно, Бог за все мытарства и самопожертвования наградил её долголетием. Здоровьишко, правда, никудышное. Зато оптимизма и жизнелюбия – хватит на многих, в том числе и всех её детей, семерых внуков и (теперь уже) девятерых правнуков.

Непоседа наша мама, лишнего часа не полежит, нежась в постели.

Поднимается едва ли не с солнышком. Встаёт обычно с головокружением: давление, что ни день – сюрпризы преподносит – то скаканёт за

сто семьдесят, то упадёт ниже восьмидесяти. Приняв кучу таблеток, тяжело ступая больными ногами по скрипящим деревянным половицам, мама принимается за неотложные дела: прежде всего непременно умыться и обиходить себя. Потом печь протопить сухими жаркими берёзовыми дровами, сварить кофейку (в зависимости от давления), завтрак горячий сгоношить, маршкет навести в избе, отзвониться младшей дочери, живущей через три дома от неё.

К обеду мама основательно оживает, а вечером – уже и до песен с топотушками дойти может, коли гости подвернутся.

А для гостей у мамы завсегда двери не закрыты. А уж коли в клуб Пудинский пригласят (что в четырёх километрах от её деревни Калиновки) – тут уж мама и вовсе что прима в театре! Без её частушек и заводных песен ни одно мероприятие не обходится. Может под настроение и рюмочку-другую крепенького пропустить. Ещё и говаривает, дескать, если в клубе побывала на празднике да домой вернулась без выигранного приза в каком конкурсе – зря и приходила туда. Любят и уважают её там...

Ни одну компанию не испортит своим присутствием наша мама, ни одно мероприятие. Слу-

чалось, и в профессорской среде за одним столом сиживать, и среди офицеров чинов немалых, и даже писателей...

После завтрака – смотря по сезону. Зимой – со снегом, если навалит, справиться. Боже упаси, если останется неубранным в ограде и не подметённым начисто с деревянных дорожек-тротуаров. В магазин деревенский прогуляться, к дочери с зятем наведаться. По субботам – непременно баньку истопить, что стоит в ограде в пяти метрах от крылечка. И тут пока сама себя ещё обслуживает да и веничек ещё запарит свеженький – берёзовый с душицей. Вечером или в непогоду – телевизор, как теперь без него? Или книжки читает с журналами, что обычно я ей привожу – свои и моих друзей-писателей. Знает и любит она стихи моих друзей: Лёни Гержидовича, Володи Иванова, Володи Ерёменко, Бориса Бурмистрова. По несколько раз уже принималась и за мою прозу, роман-сагу Сергея Павлова, повести и рассказы Любы Скорик, Александра Ярощука, Владимира Неунывахина, Миши Кривошеина, Владимира Переводчикова...

Про лето – и говорить не стоит, работы всегда предостаточно. В огороде соток пять картошки, в огородчике – зелень всякая. Лук с чесноком едва ли не в кулак на грядках вырастают, ветки помидор ломаются от налившихся пурпурных да оранжевых плодов. Палисадник её дома с ранней весны и до белых мух яркими цветами изукрашен, как и все подоконники.

А про ягоды – и подавно: клубника-виктория, малина, смородина, ирга, облепиха, даже калина с рябиной... Мало того, ещё и в бор, через речку Чузик на лодке, если попутчики подвернутся, по чернику в сезон раза два-три выберется. А осенью – на болото, клюквы ведёрко-другое нашиньгать... Потом морсы, компоты с киселями варит; раздаёт эти ягоды с вареньями, самой-то куда ей столько?

Ну и мы, дети, её не забываем. Младшая дочь Раиса с зятем Михаилом каждый день по несколько раз навещают. Едва ли не по месяцу гостит, помогая с уборкой, обычно весной, другая дочь – Татьяна, приезжая из Красноярска. И мы с братом Володей приезжаем, подправить-подлатать домишко – то изнутри, то снаружи...

Вот и на этот раз съехались все гамузом – на её юбилей. Даже трое внуков приезжали и две правнучки. Подарков, живых цветов посреди зимы надарили – только живи на радость нам.

Застолье в маминном доме только из самых близких родных – за один стол не усадить. Да человек десять друзей-подружек, которых год от года становится, к сожалению, всё меньше и меньше.

Я, как обычно, на правах старшего, за тамаду. Брат снимает на видео и фото, пока до гармошки дело не дойдёт, он и тут мастак.

А маме и присесть особо некогда: то телефон – звонки за звонками отовсюду – местные поздравляют, томичи, кемеровчане, новосибирцы, с Кубани и даже из Москвы и Питера; то на кухне суетится – как же без её указаний? То же и с сервировкой стола, да так, чтобы на нём и местечка свободного не оставалось...

К столу мама непременно принарядится в красивое и модное платье, лёгкий яркий шарфик, наденет бусы из крупного натурального жемчуга, серьги; подрумянится, распушит в причёске свои редующие, крашенные в каштановый цвет волосы, пшикнет на себя дорогими духами...

Тосты-поздравления в адрес мамы сыплются, как в телевизионных передачах для юбиляров. Я непременно прочитаю свои новые вирши в её адрес, получив одобрительные аплодисменты:

*В год голодный в сибирской России
Родилась ты весенней порой.
Нарекли тебя в честь Евдокии –
Старомодно, но всё же святой...*

Ну и так далее, в этом же духе, с поздравлениями и пожеланиями...

А родилась мама и впрямь на святую великомученицу Евдокию, 14 марта, уже здесь, в месте ссылки спецпереселенцев, в голодном 1932 году, двойней, с сестрёнкой Валею. И так-то хорошего было мало – привезли да высадили родителей, считай, на голу кочку. А тут и вовсе, через три года от цинги её мать умерла. Сестрёнку Валю и старшего брата Сашу оставили с отцом, а малолетнюю Дусю отдали в приёмщи, к дальним родственникам...

Говорим и об этом. Мама не может сдержать своих слёз, особенно когда я предлагаю помянуть её сестричку-близняшку, у той ведь тоже в этот день – день рождения. Да только, видно, её ангел-хранитель оказался не таким усердным, как у нашей мамы...

А далее – и мы, её дети, уже со своими детьми споём что-нибудь хором из нами же переданного под гармошку брата, вроде этого:

20

*Редко, но навещаю,
Уголок небольшой,
Где живёт наша мама,
Молодая душой.
Нежной, ласковой самой,
Никогда не забыть:
Мама, милая мама,
Как тебя не любить!*

Ну и далее, куплетов на шесть-семь...

День-два проскакивают почти незаметно в гомонливом окружении слетевшихся гостей (внуки аж из Красноярска на своей машине приезжали). Мама всё это время, хотя и уставшая, но счастливая и радостная... Так и светится...

Первыми уезжают на своей машине по накатанной ещё зимней дороге красноярцы, мамыны внуки – Алёша, Лена с Пашей и с правнучкой Машуткой.

Торопится и сестра Татьяна, боясь скорой распутицы. К тому же она и приезжала сюда первая. А я с братом Володей с утра по морозцу часа по три занимаемся то уборкой снега – с крыш и из палисадника, то переносим сухие дрова из одного дровника в другой, то складываем высокие берёзовые поленицы – тяжеленные, сырые, из только что привезённых дров – на сушку...

А к обеду и после него – скорее на Чузик! К любимому с детства занятию – рыбалке! До нашего заповедного омута, куда впадает речушка Николка, от маминого дома всего-то минут семь ходьбы. Клёв на сей раз отменный! Клюют окушки, хотя и не очень крупные, но резво. Попадаются и ельцы с чебаками, про ершей уж и не говорю.

Только и Володе уже пора возвращаться на работу в Красноярск – дорабатывает в службе безопасности (после инженерных должностей) до своей пенсии.

А я тяну до последнего, до самого конца марта и начала распутицы. И не приведи Господи – попасть под неё. Дороги-то у нас – аховые! Стокилометровый участок от Пудино и до самой Кёнки, бывает, так размясят большегрузы, идущие на буровые и нефтегазовые месторождения, что окружили со всех сторон нашу малую родину, без тягачей и не обойтись.

II

Дорогу эту строили ещё при Советах, когда только-только начали осваивать углеводородные месторождения в Томской области. Тогда же

и новый вахтовый городок – Кедровый рос, будто на опаре. Хватало денег и на то, и на другое. Два новых микрорайона из панельных пятиэтажек, на пять тысяч населения, отстроили в красивом месте – в сосновом бору с брусничником – в полутора десятках километров от Пудино, поближе к Томску.

На завершение строительства дороги до Кедрового (а до него от Томска почти пятьсот вёрст) не хватило каких-то двух-трёх лет существования советской власти. И место – самое гиблое, рямно-болотистое. Вот и мыкаются теперь люди и машины с весны и по осень, застревая порой в дороге суток по двое-трое. Деньги-то на косметический ремонт дороги из области выделяют исправно, ежегодно по несколько миллионов. Да только уплывают они, как подлатанные гати в бездонное болото, неизвестно куда. Правда, в народе поговаривают, что на материке у сменяющихся едва ли не через два-три года мэров Кедрового появляются новые благоустроенные квартиры, коттеджи и даже собственные клиники...

Сколько помню себя, сюда летал из областного и районного центра Парабель (и до него – двести вёрст) самолёт, в основном – вечный труженик-тихоход Ан-2. Сюда и было-то, как в песне: «Только самолётом можно долететь». Потом недалеко от Кедрового построили новый аэропорт, с бетонным взлётно-посадочным полем, принимавший не только «кукурузники», но и самолёты посерьёзнее: Л-410, Ан-24 и Як-40. Однако с крушением Советов и с началом «строительства» «царства капитала» рухнула и малая авиация. Новый аэропорт сгорел (а скорее, сожгли умышленно). Из-за отсутствия дороги рейсы автобусов из Томска сюда не положены.

На смену самолётам пришли «маршрутки» частников. В основном вездеходы – узики-таблетки, вмещающие в себя семь-восемь пассажиров. Только им под силу одолевать непроходимую нашу васюганско-нарымскую грязюку, особенно в распутицу.

Дотянул я в этот раз с отъездом до последнего. Ещё день-два, и маршрутки вообще не пойдут на Томск. Тогда – хочешь-нет, а кукуй до середины мая, пока не просохнет дорога, если, правда, не повезёт договориться с вахтовым вертолётком.

Днями наша снежная деревенская дорога превращалась в водянистое месиво-тюрю, а на самой трассе большегрузы уже вовсю нарезали

глубоченные глинистые колеи, под самые карданы. И лишь к утру ненадолго приморазживало.

Вот и торопились проскочить по подморозенному маршрутки-уазики те самые сто километров гиблого болотистого отрезка пути.

Крайней точкой маршруток, уходящих на Томск (и даже Новосибирск, расстояния – примерно одинаковое), была наша Калиновка. Моя родня снарядила мне в дорогу тяжеленный баул-сумку, затарив домашними гостинцами. Оказавшись из Калиновки единственным пассажиром, я занял место рядом с водителем – самое удобное для моих саднящих в коленях ног. И очень радовался тому, что отъехали мы раненько, около восьми утра.

Как мог, утешил маму, пустившую слезу расставания: что летом, дескать, непременно приедем с братом – перестроить покосившуюся веранду.

Километра через полтора, в Лущникове, в уазик подседа парочка пассажиров, ещё столько же – в Пудино. Наше северное солнце уже преизрядно оторвалось от мохнатого таёжно-лесистого горизонта. Его золотистые лучи освещали всё ещё ослепительно белые остатки зимнего снега. Под колёсами маршрутки похрустывали замёрзшие за ночь ледяные комки, хрустальными брызгами разлетаясь в стороны.

До Кедрового доехали минут за тридцать. И уже было видно, как местами вытаявшая за прежние солнечные дни и примороженная ночью почерневшая земля начинала покрываться смолянистой влажной коркой.

Мы тормознули у конечной остановки в Кедровом. Курящие вышли перекурить. Выбрался и я из кабины –дохнуть свежего воздуха и размять ноги, успевшие всё же слегка затечь. Солнце золотило оранжевые стволы стройных сосен, плотно окружающих панельные пятиэтажки второго микрорайона Кедрового. Услышал ясные и отчётливые птичьи посвисты, переходящие с пощёлкиваний на короткие трели. «Неужто уже скворцы прилетели?» – удивился я. И как доказательство на одной из берёзок, затесавшейся между сосен, я увидел вестников весны – парочку скворцов. Их тёмные суетливые силуэты отливали сине-зелёным перламутром. От их беспечного поведения и посвистов мне стало как-то даже радостнее.

Стоянка наша затягивалась, кто-то из пассажиров, как обычно, не торопился. А без них, записавшихся на рейс предварительно, ехать бы-

ло нельзя. Я нервно поглядывал на часы. Время убегаало неумолимо быстро, а мы всё ещё никак не могли отъехать из Кедрового. Мне было куда торопиться: успеть бы на последний междугородний автобус, уходящий из Томска на Кемерово. К тому же с каждой лишней минутой тот самый гиблый участок дороги становился для нас всё более труднопроходимым.

Подошли двое опаздывающих. В салоне маршрутки оставалось всего одно незанятое место. Уазик этот был явно неприспособлен для дальних перевозок людей. Откидные сидушки располагались в основном по бокам. Весь задний кузовной отсек был до отказа забит багажом. Посредине салона неудобно лежало запылённое (явно ещё с лета) запасное колесо, мешая пассажирам. Но куда было деваться и кому жаловаться?

К нашей машине резво подъехал ментовский уазик, лихо крутанувшись и едва ли не зацепив маршрутку. Из него спешно выскочили двое полицейских – с лейтенантскими и сержантскими погонами. За ними последовала женщина лет тридцати, о которых говорят: «не первой свежести». Её малиновая куртка была нараспашку, бестыже показывая грязно-засаленную бледно-дымчатую подкладку. Тёмного цвета брюки на коленках – в известковых пятнах.

На непокрытой голове вразной топорщились пряди свалявшихся волос. Лицо её было озабоченным, с явными признаками похмелья и бурно проведённой ночи. На губах ещё алела стёршаяся помада. Обутые на скорую руку сапоги с облупившимися носами не были даже до конца застёгнуты на молнии.

Оба полицейских и за ними женщина спешно подбежали к дверце маршрутки, отворили её на всю ширину. Заглянув внутрь, принялись сначала бегло, потом внимательнее осматривать пассажиров, вглядываясь в их лица. Этой же процедуре подвергся и я. Стало как-то не совсем уютно.

– Кого ищите? – недоумённо интересовались пассажиры.

– Кого надо, того и ищем, – хамовато отреагировал полицейский сержант.

– Нет, его здесь нету, – оценивающе бросила полицейским женщина. – Он был в шапке... Ну такой, норковой...

По салону среди пассажиров поползли слухи о том, что какой-то очередной хахаль из заезжих вахтовых буровиков-нефтяников или командировочный украл у неё деньги и смылся.

– Да какие там деньги? – возражал пожилой мужчина, видимо, знавший дамочку. – Когда они у неё водились? И откуда им взяться?

– И пили-то, поди, на его же деньги...

Пообщавшись с полицейскими, водитель нашей маршрутки что-то записал в свой блокнотик.

Так же быстро, как и подъехали, полицейские с женщиной уселись в уазик, он, рывком, рванул-ся дальше.

В нетерпении нервничать уже начинали и другие пассажиры: «Когда же отравимся, ну сколько ещё можно ждать?»

– Может, поедет уже? – настаивала пожилая женщина.

– А может, тот, кого ждём, уже уехал с кем-нибудь, – высказывал предположение другой.

К машине спешно подбежал сухощавый мужчина лет тридцати пяти.

– Ну наконец-то... – едва ли не разом отреагировали пассажиры, рассеявшиеся по местам.

Мужчина был одет в тёмно-синюю куртку на синтепоне и уже изрядно потрёпанную тёмно-коричневую норковую шапку. Явно чем-то озабоченный. Он сразу же направился к водителю, который в сторонке докуривал сигарету.

– Вы на Томск? – без лишних слов и приветствий обратился он к водителю.

– Да, на Томск. Как ваша фамилия? – несколько замаявшись, водитель глянул в свою бумажку-блокнотик и, запинаясь, не очень уверенно добавил: – Си-разит-динов?

– Нет, – уклонился от прямого ответа мужчина. – Командировочный я. Нужно срочно уехать...

– Нет мест, – ответил водитель. – У нас все пассажиры по предварительной записи. Уедете двенадцатичасовым. На него обычно бывают свободные места.

– Нет, мне сейчас надо, – наседали на водителя мужчины.

– Да берите вы его, и поехали уже, – настаивала женщина. – Какая вам разница, кого везти и с кого брать деньги за проезд...

– Маму в больницу положили срочно на операцию... – жаловался водителю мужчина. – Возьмите, – канючил он.

Водитель, похоже, уже и впрямь готов был взять на рейс этого подвернувшегося пассажира, вместо того, с нерусской и труднопроизносимой фамилией Сиразитдинов. Он отщёлкнул в сторону окурков сигареты и собрался было уже садиться в водительское кресло.

И тут, запыхавшись, с тяжеленным рюкзаком за спиной подбежал мужик кавказской национальности.

– Вы на Томск? Ждёте не меня? Я – Сиразитдинов...

– Где вас носило столько времени? – проявил недовольство водитель. – Все пассажиры уже давно на месте... Опоздываем с отъездом на полчаса, а дорога – сами знаете... Всё, поехали...

– Ну возьмите ещё и меня, – едва ли не хныча, умолял водителя мужчина в норковой шапке. – К маме еду... В больнице она...

– Куда я вас возьму, на колесо, что ли? – отнекивался водитель.

– Да я и на колесе согласен, только бы к маме успеть до операции...

– А может, и вправду, пусть уж на колесо садится, потеснимся, – начали высказываться сердобольные пассажиры.

– К матери человек, в больницу...

– Ага, сейчас, возьму его на колесо, – иронично отреагировал водитель. И тут же начал набирать на своём мобильном номер, кому-то звоня.

– Может, диспетчеру? – сказал кто-то из пассажиров. – Разрешение просит.

– Ну да, диспетчеру. Как же... – возражали. – Ему томские гаишники такого диспетчера пропишут – мало не покажется... И какой это командировочный? У него даже нет никакой сумки...

– Ну когда поедет-то? – настаивали пассажиры. – Все уже на своих местах...

– Сейчас, сейчас. Одну минутку ещё... – отговаривался водитель маршрутки.

В это время к нам снова подкатил ментовский уазик. Видно, им-то и звонил водитель нашей маршрутки.

Командировочный, просившийся в Томск, за нервничал, даже сделал попытку убежать. Выскочившие из уазика полицейские догнали его, подвели к женщине, выглядывающей из дверцы.

– Этот?

– Он, он самый! – завопила женщина. – Это он украл мои деньги, да ещё и часики мои свистнул...

А мужчина в норковой шапке уже и не сопротивлялся, переходя в наступление, деланно удивляясь:

– Какие деньги? Какие часики? А на какие шиши мы гуляли с тобой?!

– Ладно, пошли, – прервали препирательства полицейские, – там разберёмся.

Задержанного посадили в машину. А мы наконец-то двинулись по направлению Томска.

23

– Ишь ты, придумал-то чё... – сокрушалась женщина. – К маме, говорит, в больницу надо...

– Да, измелячал народец, – поддакивали ей. – Ничего святого не осталось... Даже мать... Мне было чем возразить. Но я промолчал...

А к маме нашей мы так и продолжаем собираться ежегодно, то вместе, то поочередно. Иногда и по два раза в году. Вот и нынче были, отметили ей уже восемьдесят шесть лет...

Кемерово, 1–2 апреля 2018 года

НИКОЛКИН СЛОВАРИК

Начат 27 июля 2011 года

Первые внуки у нас с женой появились поздно. Дети выросли и повзрослели. И мы уже изрядно подзабыли то, как они начинали ходить, учились говорить... Внуки – совсем иное. С ними будто и сам возрождаешься, открываешь мир заново. И очень любопытно наблюдать, как наполняется и изменяется словарный состав малыша. Едва ли не на глазах и каждодневно появляется в его лексике что-то новое.

Нашему первому внуку Николке немногим более годика, а точнее – на момент начала этих записей исполнилось один год и два с половиной месяца. Он очень открытый, добрый, спокойный и некапризный малыш.

Его мама, наша старшая дочь Ярослава, вышла работать на полставки, когда Николке исполнился годик. Вторую половину дня, пока Ярослава на работе, с Николкой проводит его бабушка, моя жена Людмила. Иногда, даже раза по два в день, прихожу к ним и я, час-полтора погулять с Николкой во дворах и на улице.

Живёт Николка со своей мамой Ярославой и папой Игорем в Кемерове, в районе ФПК, в двухкомнатной квартире на шестом этаже, в паре остановок от нашего дома.

Гулять Николка очень любит и, наверное, делал бы это всё время, если бы не нужно было кушать, спать, играть дома с любимыми игрушками, листать свои многочисленные книжки, ну и ещё если бы и у нас было время гулять с ним постоянно, а погода располагала к этому. Правда, погода его почему-то беспокоит меньше всего.

Говорить Николка начал довольно рано, кажется, ещё до того, как стал ходить, а свой первый самостоятельный шаг к мобильному телефону он сделал в десять с половиной месяцев.

Первым членораздельно произнесённым им месяцев в шесть словом было слово «алё». Когда его мама услышала это, то у неё непроизвольно вырвалось в ответ: «Слушаю вас».

Потом, как обычно бывает у большинства детей, он стал произносить слова «мама́», «баба́», «папа́», но как-то на французский манер, с ударением на последнем слоге. И вообще, до сих пор многие слова он произносит именно так, а потому я в шутку иногда называю его Нашим Французом.

Меня он стал называть позднее, наверное, потому, что общался с ним я всё же меньше, чем родители и бабушка. До сих пор он зовёт меня «дедя».

А ещё у него сейчас выработалась устойчивая зависимая связь между словами «гулять» и «дедя». Если ему дома говорят: «Пойдём гулять», он тут же произносит: «Дедея».

Кроме того, с именем «дедя» у него связано ещё одно слово – «мамия», что в переводе на нормальный язык означает «малина». Почему? Да потому что, возвращаясь со своей дачи, я непременно приношу малины и кладу ему в рот по одной спелой сочной и ароматной ягодке. Съев ягоду, Николка тут произносит: «Ися», что означает: «Ещё давай».

Вскоре он начинает пытаться составить уже целое предложение. Не так давно мы услышали от него следующее – в виде тонально повышающегося выражения-вопроса: «Дедея адаху мамия?», которое расшифровали как: «Деда поедет на дачу и привезёт малины?».

Иногда на машине его родители приезжают с ним на нашу дачу. И, когда он слышит от них, что поедем на дачу, он тут же говорит: «Адаху мамия», что в переводе означает: «Едем на дачу кушать малину».

До сего времени у Николки выросло только пять зубов. Толком жевать он пока ещё не научился. Сегодня я впервые принёс ему с дачи стручки гороха. Расцепляю стручки, вынимаю горошину, кладу ему в рот, называю это «горох», говорю: «Жуй горох». Он мусолит горошины, перекатывая их на дёснах, повторяет: «О-ох» – и выплёвывает. Не понравилось, стало быть. Я через некоторое время повторяю это уже на прогулке. Он снова мусолит горошины и никак не хочет проглатывать их, хотя принесённую «мамию» ел с удовольствием. А когда я по просьбе его мамы закрыл бидончик крышкой, он пытался отвинтить и снять крышку, требуя: «Ися мамию!».

Подходит время приёма пищи, и ему говорят, что пора это делать, он произносит: «Ку-си, ку-си».

Многие слова, которые он пытается повторить за кем-либо из нас, со временем трансформируются, меняют свою транскрипцию. Так, например, собаку он называет то «абака», то «аба». Зато нашего той-пуделька Съюзи он называет не собакой, а по кличке – «Сюзи» или «Сизи».

Машины сначала он называл то «маси», то «масина», теперь почему-то стал произносить «масимба», а свои прогулочные ботиночки – «батимба». За такие неологизмы и я стал называть его в том же тоне: «Колямба». Кажется, ему это не очень нравится...

С месяц назад мама научила Николку называть себя по полному имени – Николай. На вопрос, как тебя зовут, он гордо и отчётливо произносит «Акайя», либо «Какаяя».

На прогулках я учу его различать цвета, чаще всего по окраске цветков или легковых машин. Он повторяет иногда очень даже правильно и отчётливо: «белый», «синий», «красный». А на мои вопросы: «Где синяя (красная, чёрная, зелёная, белая, чёрная) машина?» – показывает пальчиком на машину нужного цвета.

С ранней весны, когда стали появляться первые цветочки – желтые одуванчики, мы на прогулках обращали на них внимание: что это цветы и какие они красивые. Цветы он до сих пор почему-то называет «и-ы», а слово «красиво» – «асива».

День ото дня на рябинах всё сильнее наливаются и пурпурнее окрашиваются гроздья, которые в этом году очень яркие. Мы подходим с ним к рябине, я пригибаю к нему ветку с гроздьями, а он тянется ручонкой к грозди, гладит её и уже говорит мне: «Агадя», что означает «ягода».

Во дворах и сквериках можно нередко встретить разросшиеся кусты лопухов с их многочисленными липучими зеленовато-сиреневыми шариками-цветками. Мы срываем эти шарики, и я бросаю их ему на одежду или на бандану. Своими усиками шарики цепляются и прилипают к одежде, а я называю их липучками. Николка повторяет за мною: «Пуки-липуки».

В скверике соседнего двора кто-то из жильцов из цельного дерева вырубил и вырезал сову,

в мой рост, даже выше. Иногда Николка начинает проявлять недовольство, что его отрывают на прогулку от мамы или бабы, но стоит мне сказать, что пойдём посмотреть сову, он тут же успокаивается и повторяет: «Ава́», опять же с ударением на последнем слоге.

Мы подходим к сове. Я спрашиваю у него: «Где у совы глазки, клюв, ушки, крылья, лапки, голова?» Он охотно показывает их мне, касаясь своей ручонкой. Слово «голова» он научился говорить рано и произносит его то «авава», то «гавава». Потом я поднимаю его и сажаю сове на голову. Он непомерно счастлив, проявляет свой восторг, держится одной ручкой за левое крыло, поднятое вверх (её правое крыло опущено и прижато к телу). Он смотрит на меня сверху вниз. А после того как несколько раз упал дома при родителях и стал понимать опасность высоты, подолгу оставаться на голове совы боится и просится спустить его.

В этом же скверике обосновалась бездомная рыже-белая кошка. Она постоянно тут, либо лежит, греясь на солнышке, либо прячется под кустами сирени, рябины и другими садовыми кустарниками. Уже на подходе к этому скверу Николка наряду с совой вспоминает и о кошке, неоднократно произнося слово «кися». Если её не видно, я начинаю её выманывать: «Кыс-кыс-кыс». Николка повторяет за мною: «Ки-ся-а, кися-а». Из кустов появляется кошка, бежит к нам, трётся боками о наши ноги, выгибая спинку и поднимая хвост. Мы что-нибудь даём ей из еды, а Николка гладит кошку, всё повторяя и повторяя своё «ки-ся-а, кися-а...».

Наши прогулки невозможны без качания Николки на качелях. Качаться на них он любит больше всего. И называет качели и качания на них одним словом: «Кага». И никаким другим словом не хочет, хотя может вдруг за мною очень отчётливо повторить: «Зайдём в магазин?».

Повторять за взрослыми он может по своему усмотрению, желанию и настроению. Иногда не упросишься сказать что-нибудь, а порой не оставишь его. Тогда я называю его: «Болтун, болтун, болтун». Он повторяет за мною: «Мбату, мбату».

17 августа 2011 года

Неделю Николка с мамой жили у нас дома. Я гулял с ним по два раза ежедневно. Учу его на-

25

2 сентября 2011 года

зывать себя, бабушку, папу и маму по имени. Николка повторяет: «Дедя Итя, дядя Итя», потом чётко произносит: «дедя Витя». Любимую бабушку Люду он частенько пытается называть «бабуля», правда, почему-то опясть на свой манер, у него получается «бабия». Отца называет «папа Игор», а вот с именем мамы сложнее, пока выговаривает не очень внятно.

Николка уже научился различать разные виды машин: легковые, грузовые и даже автобус с троллейбусом. Легковые он называет «масина» или «масимба», грузовые – «гузовик», «азавик», «газавик». Поразительно, но он из легковых выделяет даже джипы, называя «зип» либо «дзип». Автобус он произносит почти чётко: «атобус», «атёбус». Сложнее с троллейбусом.

Сегодня во время утренней часовой прогулки несколько раз принимался дождик. «Кап-кап» – звук дождика Николка произносит наоборот: «Пак-пак». Потом это трансформировалось в «бавк-бак».

Очень часто вечером, когда приходит с работы его мама, внук болтает без умолку, при этом не заботясь о том, что у него получается. Приходится только догадываться, что он говорит и о чём хочет сказать. Я ему в ответ: «Переведи!»

31 августа 2011 года

В прошлое воскресенье Николку крестили в маленькой церквушке. Во время этой процедуры, пока священник читал что положено, Николке стало скучно, и он принялся корчить рожицы. Меня с Ярославой разобрал такой смех, что пришлось нам выскочить даже из крестильни, чтобы просмеяться.

Бабушка поднесла его к иконе Божией матери. Николка тут же: «Богоёдица». Довольно хорошо произносит слова «церковь» и «крестик». Крёстные у него – друзья Ярославы – Вадим Каркачёв и Наташа Костицына. Учили его говорить «леля».

Сегодня ездили с ним в парк на троллейбусе. Он всю дорогу твердил «толейбус», «едем а толебусе». Приходим в парк уже в третий или четвёртый раз. Там стоит клумба с цветами в виде паровозика. Николка, едва увидев его, восторженно: «Паявезик!».

Бабушку стал называть по-всякому – то «бабуля», то «бабулька», совсем реже – «бабия».

Купили ему кубики-азбуку. Он уже находит кубики с буквами «а», «о» и своей буквой – «н». Показываю ему и буквы бабушки, и мою: «л» и «в».

В лексиконе Николки появилось новое слово: «тиньганик». Дома он настойчиво требовал у родителей этот самый тиньганик. «Что это? – спрашивают его. – Покажи». В ответ лишь раздражительно: «Тиньганик!». Ярослава звонит нам, спрашивает: «Может, хоть вы знаете, что такое тиньганик?» Я с бабушкой Людой в полном недоумении. Она даже перерыла толковые словари и словари иностранных слов, а вдруг да встречается там этот самый тиньганик. Грешным делом подумала, уж не из прошлой ли какой жизни у него зацепился этот тиньганик? Нет, нигде ничего, даже намёка нет. Я подумал, может, он конфеты-леденцы так называет, которые я ему втихаря иногда даю. Нет, и не это. Их он довольно отчётливо называет «ка-амелька». Три дня ломали родители головы, да и мы с бабушкой тоже над этим тиньгаником. А потом выяснилось, что тиньгаником он называет почему-то пластмассовый треугольник-пирамидку, которую нужно вставить в соответствующее отверстие пластмассовой же машинки-грузовичка...

После крещения бабушка стала учить Николку говорить «Господи, помилуй» и «аминь». Ученик оказался весьма прилежным и способным. Уже вполне отчётливо произносит «господи, помилуй» и «аминь». А сегодня едем в парк гулять на троллейбусе, он на весь салон, громко и ясно: «Аминь!». И так – раз пять-семь подряд, вызывая удивление и улыбки у пассажиров и кондукторши.

12 сентября 2011 года

Николке уже годик и четыре месяца.

С каждым днём словарный запас его увеличивается. Повторяет очень много из того, что называем мы. Однако он продолжает упорно называть отдельные предметы и вещи так, как называл их месяц-два назад.

Из таких слов: «печебо, песебо» – печенье, «кассия» – картошка.

Недавно прокатились с ним на трамвае. Он хорошо усвоил, что это такое. Но слово «трамвай» выговаривает чаще без согласной «р», получается у него «тамвай», «поедем а тамвае». А вообще больше всего из общественного транспорта он предпочитает троллейбус. Наверное, слово это ему чем-то понравилось больше, чем «автобус» и даже «трамвай». «Поедем а толебусе», «толебус», «тролебус», «толейбус...» – не

сходит у него с уст, когда мы с ним собираемся идти гулять.

Стал хитрить, видя, как мы потешается над ним. Спрашиваю в очередной раз:

- Как дедушку зовут?
- Баба Витя, – отвечает.
- Как, как? – смеюсь я. – Деда Витя?
- Баба Итя, – повторяет он и тоже смеётся.

26 сентября 2011 года

После выходных не виделся с Николкой два дня. После обеда поехали с ним на троллейбусе в парк. А до этого он немного приболел. Бабушка Людя наказала нам, чтобы долго не гуляли. Погода ещё хорошая, день довольно тёплый. Вот мы и загулялись, потом долго не могли уехать на автобусе или троллейбусе.

Пока ехали назад, я ему раза два-три сказал и повторил:

- Ох и попадёт нам от бабули. Будет ругаться. Приезжаем домой. Нас встречает бабушка. Николка ей:
- Будет ругаться. Будешь ругаться?
- Та, разумеется, расплылась в улыбке:
- Не буду, успокойся.

4 ноября 2011 года

Николка уже многое может повторять, самостоятельно говорить и осмысливать происходящее.

С неделю назад бабушка укладывает его спать. Он не хочет.

- Она ему:
- Тогда я тебе больше ничего дарить не буду. Он ей:
- Подарки кончились?

В выходные звонит бабушка им домой по телефону. Никто не берёт трубку. Тогда Николка снимает трубку и несёт матери:

- Звонит. Говори.

Играем с ним дома в прятки. Я захожу в туалет и закрываю там дверь.

Он ходит ищет по квартире. Потом подходит к туалетной двери и зовёт:

- Деда, дедуля, делюля...

Выпал снег. Внук очень радуется на улице при виде снега и снеговиков.

- Снеговик, лепить, – зовёт он меня на улицу.

Ездим с ним на набережную Искитимки, в парк «Антошка». Там очень много голубей и совсем ручных диких уток.

Ставлю его на парпет, утки прямо в полуметре от него. Он – в восторге.

- Кря, кря! – громко имитирует их голоса.

Проходим мимо танка, что стоит в Парке Победы. Я ему показываю на танк и говорю:

- Танк, танк.

Он повторяет это слово. Потом тянет меня за руку и говорит:

- Танк не едет. Пойдём смотреть танк.

Гуляем с Николкой по городу. Подходим к ларьку с овощами и фруктами. Мне вспоминается частушка, я её тут же, облагораживая, громко проговариваю:

*Помидоры-огурцы – это тоже овощи,
Баба едет на такси, дед на скорой помощи.*

Через несколько дней приходит домой жена, говорит мне:

– Знаешь, что Николка выдал матери? – и тут же сама добавляет: – Баба едет на такси, дед на скорой помощи.

Ярослава спрашивает его:

- Кто тебя этому научил?

Он отвечает:

- Баба...

– Твоя работа? – спрашивает жена.

Я смеюсь, соглашаясь...

Николка плохо завтракает. Не ест манную кашу, отворачивается от ложки, говорит:

- Неть.

Я обещаю ему карамельку, если он съест пару ложек каши. Он нехотя съедает. Потом напоминает мне:

- Деда, каламельку давать...

Родители запрещают Николке есть конфеты и сладкое. Нам наказывают ничего ему не давать. Мы с женой втихаря даём то карамельку, то кусочек шоколадки.

Я наказываю ему, чтобы не говорил маме с папой про карамельки.

Едва домой заходят родители, Николка тут же:

– Деда давал каламельку. Баба давала соколадку и каку-то сипучку (карамельку-шипучку).

У меня всегда есть заготовки конфет. Николка уже знает, что за них его и меня будут ругать. Но всё равно он нет-нет да и выпросит. Я даю ему конфету или карамельку. Он, засунув конфету в рот, тут же бежит к бабе и говорит ей: «Баба, иди лугай деда, он мне карамельку дал...».

Бабушку Николка любит больше, чем меня. Называет её ласково – то «бабуля», то «бабуленька». А тут что-то рассердился на неё и после «бабуленьки», отвернувшись, произнёс: «Бабка Людка!». Никто его этому, разумеется, не учил...

Сейчас Николка с родителями и младшей сестрёнкой Алёной живёт на Лесной Поляне. Прошлой осенью как-то мы гуляли с ним там в замечательном парке. И я предложил ему поиграть в рифмы слов. И из всего этого стали вырисовываться подобию стихов.

*Если время к осени –
В небе меньше просины...*

*Облака там белые
Или тучки серые.
Часто дождик моросит,
Он дорожки оросит,
И траву поплекающую,
И цветы отцветшие...*

К этому времени Николка уже окончил второй класс. На вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» – вполне осознанно отвечает: «Журналистом». Я ему говорю, что уже сейчас надо учиться писать – писать о том, что видишь вокруг себя, что чувствуешь, какие мысли приходят тебе в голову и прочее. А ещё мы с бабушкой пообещали взять его в ближайшее время в турпоездку за границу. И у меня возникла идея: вместе там делать ежедневные дневниковые записи. А вернувшись из поездки, оформить их в виде «записок» кемеровских туристов и издать небольшой книжечкой. Вот и проверю его на трудолюбие и журналистскую пригодность...

